

Н. Н. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**АЛ-ХАДДАД, АТ-ТАХИР.
О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ
В ШАРИАТЕ И ОБЩЕСТВЕ**

Рецензия на книгу: *Ал-Хаддад, ат-Тахир*. О положении женщины в шариате и обществе / пер. и отв. ред. Ф. О. Нофал; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; Московский исламский ин-т; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Серия: «Возрождение и обновление». — М.: ИД «Медина», 2021. — 184 с.

ДЬЯКОВ Николай Николаевич —

д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории Ближнего Востока.

Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

Для цитирования: *Дьяков Н. Н.* Рецензия на книгу: *Ал-Хаддад, ат-Тахир*.

О положении женщины в шариате и обществе / пер. и отв. ред. Ф. О. Нофал; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; Московский исламский ин-т; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Серия: «Возрождение и обновление». М.: ИД «Медина», 2021. 184 с. // Ислам в современном мире, 2021; 2: 163–174.

Завершение Первой мировой — «Великой войны» начала XX века — открыло новый этап широкого обновленческого движения в мире ислама. Как ведущий центр реформаторства и обновленчества во «французском» Магрибе (Алжир, Тунис, Марокко) Тунис — земля древнего Карфагена, арабская «Ифрикия», впервые принявшая ислам в конце 1-го века хиджры, — с наступлением новейшей эпохи оказалась в эпицентре модернистских течений в общественно-политической мысли на севере Африки.

Роль женщины в исламе трудно переоценить, начиная с истоков проповеди Мухаммада и вклада первой его любимой супруги Хадиджи бинт Хувайлид в становление ранней мусульманской общины (*умма*) и в распространение божественного призыва (*да'ва*). Именно дом Хадиджи — супружеская обитель Пророка — не случайно считается, по сути, первой мечетью ислама.

Впервые на землю Иффрикии ислам ступил спустя четверть века после кончины Пророка. Вскоре мусульмане основали здесь не только крупнейший центр веры на пороге Сахары — г. Кайруан (670), но и г. Тунис (ок. 698) — будущую столицу страны близ руин древнего Карфагена. Именно здесь, на пороге Большого Магриба, мусульмане впервые столкнулись с той особой ролью, которую женщины играли в социальной и политической жизни коренного населения, племен «берберов» — *амазигов*, объединенных арабами под общим наименованием «*каба'ил*», или попросту: «племена».

Дошедшие до наших дней древние предания амазигов содержали немало описаний правления и подвигов берберских цариц и воительниц, начиная с легендарной Саджах и, конечно, царицы Кахины, возглавившей сопротивление местных племен арабам и вошедшей со временем в пантеон святых мучеников — мусульман Магриба. Особой роли женщины в истории народов Магриба и Сахары уделяли внимание средневековые авторы, включая великого мыслителя арабского Запада и всего мира ислама Ибн Халдуна (1332–1406) — признанного основоположника исторической социологии Нового времени.

Эпоха обновления в исламе и новые тенденции в исламоведении, наметившиеся с начала XX века, не без влияния социальных потрясений в России в конце Первой мировой войны, дали науке новые представления и оценки роли женщины в мусульманском обществе. «Женский вопрос» нашел свое место в трудах классиков обновленческого движения (Дж. ал-Афгани, М. Абдо, М. Бигеев и др.), а также в творчестве российских и европейских востоковедов (В. В. Бартольд, Э. Вестермарк, Л. Масиньон, Ж. Берк, М. Родинсон и т. д.). Роль женщины в традиционном обществе арабского Магриба в разной мере затрагивали в своих трудах и современные российские ученые, в т. ч. Р. Г. Ланда, М. Ф. Видясова, В. В. Орлов, Н. А. Жерлицына, А. Ю. Коровкина и др.).

Два межвоенных десятилетия (1918–1939) были отмечены на севере Африки ростом национально-патриотических выступлений, в которых исламский фактор играл далеко не последнюю роль. На общем фоне формирования в регионе на рубеже 20–30-х гг. XX века новых политических партий и культурно-просветительских ассоциаций усиливалось влияние традиционалистских и реформаторских группировок. Напомним, что именно в эти годы (1928–1929) в Египте рождается «Ассоциация братьев-мусульман» (в настоящее время запрещенная в РФ

организация), впоследствии имевшая сотни ячеек (*халайя*) в разных концах мира ислама. В соседнем с Тунисом Алжире, колыбели Французской колониальной империи, в 1930–1931 гг. формируется весьма влиятельная в Магрибе «Ассоциация улемов-реформаторов». У восточных границ Туниса сопротивление итальянской оккупации вылилось в широкое движение во главе с братством Санусийа, в начале 1930-х гг. подавленное фашистскими карателями Муссолини.

В этих условиях поиск путей возрождения национальной и культурной самобытности не мог не вызвать появление на севере Африки новых ярких имен, за которыми с готовностью следовали мусульмане в надежде на возрождение и обновление своей духовной, культурной и социальной идентичности.

В числе лидеров общественного мнения колониального Туниса имя Тахира ал-Хаддада (1899–1935) занимает особое место. Ровесник «младотунисского движения», возникшего на пороге XX века, Т. ал-Хаддад получил в 1920-е гг. известность своим участием в движении конституционалистов-либералов (араб.: *ад-дустурийун ал-ахрар*) и в создании Свободной конституционной партии Туниса, в становлении регионального профсоюзного движения и в деятельности (непродолжительной) «Пролетарского университета», популярного в среде левых патриотических сил. Проблемы реформирования мусульманского общества Туниса в условиях установленного французами режима протектората (1881–1956) изначально занимали важное место в общественной и публицистической деятельности Т. ал-Хаддада. Положению женщины при этом уделялось особое внимание, что, впрочем, было характерно для творчества представителей обновленческого движения в исламе, последователей идей Дж. ал-Афгани и М. Абдо.

В конце 1929 г. Т. ал-Хаддад завершает свой ставший во многом хрестоматийным труд о роли женщины в исламе и ее месте в современном автору колониальном Тунисе — «О положении женщины в *шариате* и обществе». По сути, это сочинение — не просто книга о доле женщины-мусульманки, но, скорее, историко-религиоведческий трактат о социальной и правовой роли ислама в регулировании семейно-брачных отношений, в развитии системы образования и воспитания, в формировании контактов с внешним миром, в т. ч. в пресловутой «гендерной сфере».

Под влиянием «духа нового времени» современная женщина включилась в борьбу за жизнь на самых разных фронтах: она работает в кузнях и у огня [жаровен], прорывает шахты и рассекает небо над океаном, занимается свободными ремеслами, такими как медицина и адвокатура, литература и журналистика, — писал Т. ал-Хаддад. — Не отставая от мужчины, она занимает политические посты, основывает различные клубы и женские общества. Она уже немало получила и продолжит

свою борьбу, пока не заслужит равных с мужчиной прав в государстве и обществе...¹

«Женщина — мать человека; выношенный в ее чреве, взращенный в ее объятиях, он не знает ничего, кроме ее нрава — того, что проступает на полотне всей его последующей жизни...» — писал в декабре 1929 г. в предисловии к своей книге Т. ал-Хаддад. «Мы, тунисцы, отличаемся от других восточных стран тем, что до сих пор и пальцем не пошевелили ради улучшения жизни женщин...»²

Введение к «Правовому разделу» книги содержит общую характеристику исламского законодательства о статусе женщины: «Ислам стал новым принципом жизни арабов в целом и мусульман в частности», и потому важно выяснить его «новаторство в отношении женского вопроса, в гражданской, общественной или правовой жизни...» Шариат — плод развития жизни, «изначально оформленный сообразно нуждам этой самой жизни», указывает автор. В этом и состояла, на его взгляд, «тайна молниеносного распространения» [ислама]. Двадцати лет жизни Пророка при рождении ислама оказалось достаточно, чтобы «заменить старые установления новыми»³.

Т. ал-Хаддад подробно рассматривает далее проблемы самоопределения и гражданских прав женщины.

Важный вопрос — признание исламом гражданской субъектности женщины, ее права собственности и наследования наравне с мужчиной. Правда, некоторые правоведческие школы, пишет автор, ограничили это право, принимая во внимание слабость женщины...⁴

Тунис — родина Т. ал-Хаддада и, кстати, родина первой в арабском мире Конституции, принятой в 1861 г. Тунисское гражданское право признавало за совершеннолетней, «двухгодушно замужней женщиной ничем не ограниченную [свободу действий]», о чем заявлено в 7-й статье Кодекса о договорах и обязанностях.

Коран закрепил за мужчинами и женщинами равные гражданские права и обязанности, как и равные наказания за совершение преступлений, в чем согласно большинство правоведческих школ. Ислам «вернул женщине гражданскую свободу в деле приобретения имущества и торговли...» — подчеркивает Т. ал-Хаддад.

Касаясь истоков исламского права в сфере семейно-брачных отношений, автор напоминает, что брак в исламе «*есть чувство и долг, дружба и созидание*». Шариат дает мусульманам право на суд собственных

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад*. О положении женщины в шариате и обществе / пер. и отв. ред. Ф. О. Нофал; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Серия: «Возрождение и обновление». М.: ИД «Медина», 2021. С. 39.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 16–17.

⁴ Там же. С. 24.

законов и не запрещает смешанные браки, допуская брак мусульманина с христианками и иудейками... Положение изменилось с приходом европейских судов «под покровительством иностранных консульств». Колонизация усилила позиции этих судов, которые решают споры в пользу иноземцев, не следуя законам восточных государств, где они находятся, пишет автор.

Полигамия — один из аспектов непонимания и неприятия в колониальном обществе Магриба. Т. ал-Хаддад рассказывает об истоках многоженства в исламе: «Не ислам, но грехи доисламской культуры послужили многоженству прочным основанием». Ислам же боролся с многоженством по мере становления мусульманского законодательства». Прежде арабы не знали брачных ограничений: их жены обслуживали земли и дома мужей, не получая ничего взамен. «По сей день мы наблюдаем нечто похожее у бедуинов», — пишет автор. Ислам установил «верхний предел» числу жен, когда Пророк повелел «*оставить четырех и расстаться с остальными*»¹. Многоженство самого Пророка — не пример умме, но плод доисламской эпохи.

Брак, не приносящий добрых плодов, должен быть разорван, однако право на развод отдано в мужские руки, о чем свидетельствует практика судов. Единственное средство, позволяющее исправить сложившуюся ситуацию, подчеркивает автор, — это суд, заключающий и расторгающий браки в соответствии с духом шариата. Семейные суды призваны «облегчить муки мусульман и смиростивиться над растоптанным сердцем женщины...». Но мусульмане по сей день восстают против этих судов, навязывая женщине мужскую волю, «какой бы жестокой она ни была...». Шариат предусматривает компенсацию материального или морального ущерба, он установил виру за убитого, выплачиваемую его родичам. «Однако редко мы слышим о выплачиваемой при разводе материальной компенсации, установленной Кораном», — сожалеет автор².

Книга Т. ал-Хаддада — уникальный источник о мусульманском обществе Туниса и положении женщины в колониальный период. Автор адресует волнующие его вопросы видным правоведам — ученым-улемам из ведущих университетов и коллегий. Среди них: преподаватели исламских наук и ханафитского права ал-Хаттаб Бушнак и ‘Усман б. ал-Ходжжа; преподаватель и муфтий-маликит в Верховном суде Туниса ‘Абдул‘азиз Дж‘айит; великий шейх маликитов ат-Тахир б. ‘Ашур; преподаватель и муфтий-маликит в Верховном суде Балхасан ан-Наджжар; шейх-ул-ислам Ахмад Байрам и др.

Цель опроса — «установить суть полезной женщинам правовой реформы»:

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад*. О положении женщины в шариате и обществе. С. 62.

² Там же. С. 81.

1. Имеет ли женщина право выбора мужа и за кем остается последнее слово?
2. Является ли действительным развод, имевший место в минуту гнева?
3. Имеет ли женщина право на судебное разбирательство в случае обнаружения несоответствия характера мужа ее нраву и характеру?
4. Является ли женщина партнером — «соразработником» мужчины», равным ему в делах управления хозяйством?
5. Каково общее мнение [ислама] о женщине? Имеет ли она право на суд, предстояние на молитве, первенство в нехозяйственных и прочих делах?

В заключение правового раздела Т. ал-Хаддад пишет: «Вчитавшись в источники мусульманского права, задумавшись о его конечных целях, мы приходим к выводу: «Благодаря шариату женщина получила то, на что прежде не могла и рассчитывать». Однако «наши современницы не знают положенных им исламом прав и свобод и не догадываются, что в дарованной им свободе они во многом опережают европейцев...»¹.

Социальный раздел книги открывается анализом проблем воспитания будущих жен и матерей. «Люди привыкли воспитывать подрастающие поколения по унаследованному от предков образцу». Но «бездумное подражание авторитетам прошлого вымывает смысл добрых обычаев...» — пишет Т. ал-Хаддад

Касаясь особенностей материальной культуры Туниса, автор рассказывает о занятости женщин в текстильной и швейной отраслях, отмечая, что нередко это производство оказывалось в руках европейцев, которые, принимая выгодные заказы, «перепоручали затем их выполнение тунисским девушкам за мизерную плату...»².

Ценным для читателя и исследователя представляется приведенный Т. ал-Хаддадом анализ культуры мышления и нравов, культуры брака и тела. «Наш женский мир — мир глупости и невежества...», в который вводят рассказы о мифических существах и амулетах. «Невежество сложно искоренить из сознания мальчика; что и говорить о девочке, лишенной возможности учиться в школе». Все эти потери «нельзя возместить, когда девушка становится женой и матерью, учащей детей тому, чем овладела сама...». И мужчины, и женщины Туниса пренебрежительно относятся к своему здоровью, с приходом болезни скорее обращаются к знахаркам. «Ни образование, ни воспитание не готовят наших детей к взрослой жизни», — подытоживает автор.

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад*. О положении женщины в шариате и обществе. С. 111.

² Там же. С. 118–119.

Не менее остра проблема принуждения к браку. «Мы обязаны встать на защиту женщины, восстановить ее в правах помощника и человека, достойного нашей культуры», — пишет Т. ал-Хаддад. Это можно сделать, учредив семейные суды, уделяющие должное внимание разводу и семейным конфликтам¹.

Немало проблем для традиционного общества составляют ранние браки и браки с недееспособными лицами, часто ведущие к семейному несчастью. Финансовая несостоятельность супруга — еще одна проблема, отравляющая жизнь семьи. Ситуация ухудшается с появлением в такой семье детей, от которых «мужья умудряются сбежать», — «газеты пестрят судебными решениями о розыске беглецов и принуждении их к выплате алиментов». Материальное неблагополучие семьи, обусловленное неблагополучием общества, «подтачивает брак, не встречая сопротивления в умах и душах», — с горечью пишет автор².

Тунис — аграрная страна, но в силу социальных причин тунисские землевладельцы теряют свои земли, отдавая их иностранцам. Внедрение техники — еще один удар по традиционному укладу: крестьяне пополняют ряды тех, кто потерял своего покупателя под натиском европейской продукции. Прибавьте к ним разорившихся торговцев и спекулянтов, служащих чужому капиталу. Все они сейчас — безработные, ищущие средства к пропитанию и находящие их разве что «в государственном секторе экономики, во французско-еврейских железнодорожных и угольных, пищевых и текстильных синдикатах. Там они получают мизерную плату за тяжелый физический труд и непосильную конкуренцию с современными технологиями...». Получая гроши за подчас двенадцатичасовую работу, такой трудяга вынужден покупать пищевые отходы, чтобы прокормить свою большую семью. «Что, если не это, подводит отцов к самоубийству или побегам?» — вопрошает Т. ал-Хаддад.

Нищета вынуждает отцов отправлять детей на работу, которая калечит их слабые тела. «Мы не говорим уже о судьбе девочек, вынужденных думать как о своем будущем и готовиться к браку, так и о горе родителей», — пишет автор. Они поступают в услужение к знатым семьям, получая взамен лишь еду и одежду. «Удивительно ли то, что впоследствии над этими девочками измываются уже их мужья?..»³

Недоедание, детский труд, безработица и болезни, — все это «изничтожает семейную жизнь». В брак вступают пораженные туберкулезом и раком, сифилисом и параличом люди, не имеющие надежды на исцеление; они ничем не отличаются от бедуинов, которые, из-за

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад. О положении женщины в шариате и обществе. С. 122–130.*

² Там же. С. 134, 142.

³ Там же. С. 143.

своего образа жизни лишены возможности обратиться к врачу, пребывая «в плену душных палаток и знахарей». В этом причина высокой смертности в Тунисе.

Правительство отстраивает Тунис, превращая его в европейский город. Правда, делает оно это «за счет европейских и еврейских предпринимателей, денег которых мы не увидели бы, если бы не пара-тройка основанных нашими юношами компаний по строительству общежитий для служащих-мусульман. В большинстве своем тунисцы остаются «рабами невежества и застоя». «На плечи грядущих поколений ляжет труд по исправлению нашего быта — труд тем более тяжелый, что мы, в продолжение долгих веков, не признавали его необходимости. Если мы обойдем его вниманием, нас будет ждать заслуженная смерть...» — констатирует Т. ал-Хаддад¹.

«Бремя женского пола» тем более очевидно, что наша женщина лишена сегодня возможности участвовать в обеспечении семьи и разделять с мужчиной ответственность за траты на эту жизнь... Мы возмущаемся западной цивилизацией и сетуем на то, что она-де разорвала ветхие одежды нашей прежней женщины, которых мы стыдились... Однако волею прогресса все равно устремляемся к Западу, хоть и безуспешно. Ради этого мы распродаем богатства отцов, обманываем друг друга, обманываем самих себя... Поток западной культуры уносит нас, несмотря на любовь к древнему нашему укладу...»

«Любовь к прогрессу» толкает мужчин и вовсе отвергнуть страдающих за нас тунисских женщин, которые, по мнению многих, не в силах создать домашний уют, и потому эти мужчины предпочитают брак с иностранками. Европейские женщины изящны в движениях, их чарующая улыбка пленяет... «Мы же заковываем нашу девушку в цепи стыдливости, замуровываем чувство в ее груди, пока оно не умрет... Неудивительно, что наши юноши предпочитают европейскую [чувственность]», — пишет автор².

Женщина рождает народ — женщина его и воспитывает. «Мы обязаны брать в жены наших соотечественниц, которые на первый взгляд далеки от совершенства; но вместо того чтобы бежать за границу, запирая наших сестер в собственных домах, мы должны заняться их воспитанием, оберегая от опасных последствий прогресса...» Всеобщий прогресс бывает либо умозрительным, увлекающим философов своими идеалами, либо внешним, воплощающимся в социальной истории. Народ, привыкший к тяжелому труду и достижению поставленных целей, «познает последние ступени, отделяющие его от совершенства». Напротив, народы-бездельники отдаляются от жизненных идеалов: «Таков удел отсталых наций, ищущих своей смерти...»

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад*. О положении женщины в шариате и обществе. С. 146.

² Там же. С. 151.

Актуальным и сегодня представляется поднятый Т. ал-Хаддадом вопрос о женском покрывале — *хиджабе*, ношение которого — не что иное, как старинный обычай городов и деревень («пустыня этого обычая не знает», — справедливо замечает автор). Хиджаб отделил мужчину от дома, позволив ему [, а не женщине] вести двойную жизнь в ресторанах и кабаках. Женщина при этом «должна быть отдалена от грешной жизни — той самой, что сгубила нашу честь...». Обязанная поддерживать порядок в доме, воспитывать успешных в жизни семьи и общества детей, женщина должна стать примером успеха. Но как может она достичь этого в отрыве от научной и литературной среды, от музеев и лекториев, учащих о преодолении социальных проблем? Хиджаб не дает женщине получить достойное образование, не позволяет ей познать тонкости домашней экономики; зачастую она даже не умеет считать, а годы опознает по событиям, вспоминая о «чумных» и «голодных» годах или о годах своего переезда из одного дома в другой...

Отказ от хиджаба — новое явление, имеющее место под влиянием западной культуры и ряда исторических причин. «Должны ли мы вернуть женщине былую несвободу или же облечь наши мысли в более выгодную форму, могущую принести добрые плоды?»¹

Государство превратило женские школы в технические училища, в стенах которых тунисские девочки обучаются ремеслу ткачих, параллельно осваивая французский язык, историю, арифметику и основы географии. Что касается арабской культуры, то учителя-наставники «обучают подопечных арабской грамоте и вызубривают с ними пару-тройку сур из Корана. Школы, о которых идет речь, подчиняются местному самоуправлению и содержатся за счет вакуфных средств. К сожалению, арабский язык и литература в них почти забыты: их преподают учителя, сами освоившие разве что их школьный курс...». Необходимо помнить и о том, с какой охотой католическая церковь покровительствует нашим девочкам, укрывая их в своих приютах. Благоедеяния церкви, отмеченные духом Христа, распространяются на осиротевших и изгнанных из домов девочек Туниса...

Восстание против прошлого, интеллектуальный хаос, возвращенный современным образованием, — все это «образчик формального прогресса», к которому стремятся тунисцы, «распродав собственное наследие и не пробудив для борьбы за жизнь своих духа и разума...» — пишет Т. ал-Хаддад. Критики сплошь и рядом ратуют за религиозное образование для женщин, за преподавание им основ арабского языка и национальной истории — предметов, которые, как они считают, не угрожают женскому «целомудрию».

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад. О положении женщины в шариате и обществе. С. 154, 158.*

Европа уже сегодня обеспечила своих дочерей университетскими скамьями, не распрощавшись с институтом семьи, поэтому европейцы и властвуют над отсталыми народами. «Мы обязаны ввести женщину в нашу систему образования, в нашу медицину и дошкольное обучение, в нашу литературу и культуру; в этом случае женщина с радостью будет служить и своему дому, ибо знания суть свет...» — пишет автор. «Мы спорим о женском образовании и признаем право женщины на патриотическое воспитание... предпочитая тратить астрономические суммы на одежду, украшения и благовония, вложение денег в детские сады и женские школы. Мы разоряем наши семьи ради одного лишь удовольствия. Но на самом деле мы не уважаем женщину и не считаем ее живой, важнейшей частью общества и семьи...» — пишет Т. ал-Хаддад, с грустью отмечая неготовность тунисского общества к решению женского вопроса¹.

«Образование — великая потребность человеческого естества». Образование должно быть доступно женщине в той же мере, что и мужчина; оно — ее естественное право, ограниченное лишь индивидуальными способностями и талантом.

Женщина по природе своей — мать и воспитатель, хозяйка дома и супруга мужчины. Тунисская женщина, к сожалению, не справляется с этими социальными ролями, ее неудача обусловлена невежеством, «превратившим ее в бездушное тело». Исцелить женщину можно лишь одним способом: мы обязаны просветить ее, чтобы доверить ей покое, судьба которого «исполнена болью разочарования».

Женщина должна познать основы своей религии, язык своего народа и историю своей страны. Это должно вдохнуть в нее жизнь, подготовить к возвращению ее былой славы и воспитанию благочестивых патриотов. Она не должна отказываться от работы, влачить жалкое существование «в тени смерти и в стенах своей домашней темницы»...

Женщина должна заботиться о плодородии своего тела. Спорт — сила, способствующая росту умственной активности и противостоящая старости, — словом, то, в чем рождающая мать так остро нуждается... движение — это жизнь. Как и на Западе, «мы должны обеспечить всеобщее право на спорт, блюдя здоровье общества и его развитие».

Женщина обязана знать основы медицины и биологии — для того чтобы предлагать своим детям здоровую пищу, чтобы знать решение простейших их проблем и вовремя вызывать к ним врача. Так она освободится от ига знахарей, сводящих в могилу тысячи человек. Благополучию семьи женщины поспособствует и изучение педагогики, ибо она — первый и главный воспитатель восприимчивых к добру и злу детей.

Женщина должна знать тонкости искусства ведения домашнего хозяйства, уметь шить и ткать. Это позволит ей помогать мужу в поиске

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад*. О положении женщины в шариате и обществе. С. 161, 166.

пропитания. Она должна разумно тратить семейный бюджет, избегая бездумных, приводящих к внутреннему беспорядку трат. Этому женщине следует учить, но не оставлять ее на произвол родственниц, считающих дом «царством женщины». Это царство нуждается в разумной «царице», ведущей его к вершинам славы; для этого хозяйка должна понимать, что ее дом — не тюрьма, но серьезная работа... Женщина, освоившая естественные науки и ремесла, вполне готова к освоению изящных искусств, вроде поэзии, музыки и фотографии. Мы нуждаемся в творческом полете женского духа...

Воспитание пробуждает в человеке чувство ответственности за жизнь и ее блага, оно возвращает человеческие таланты, учит применять их в жизни. Но что наша женщина знает о жизни и обязанностях? Мы превратили ее в механизм удовлетворения своих потребностей, мы эксплуатируем ее, словно скот... Что толку в воспитании женщины, если мы до сих пор ее презираем и считаем несовершенным творением [Всевышнего]? Мы запираем ее в наших домах, душим своими приказаниями — так же как и вверенных нам животных. Мы растим женщину на чувстве стыдливости и униженности.

У нас есть врачи, но наша страна, обделенная больницами, нуждается в их совете. Стране нужны врачи-исследователи, изучающие распространенные в нашей среде болезни и способы борьбы с ними. Для начала мы можем основать некий медицинский клуб, который объединил бы наших докторов и позволил бы им обмениваться опытом и открытиями. У нас также есть адвокаты, изучавшие французское право в Париже, в то же время в нашем законодательстве царит невысказанный хаос. Наши суды и административные учреждения переполнены, наше судопроизводство нуждается в реформе — словом, все они ждут тех профессионалов, что смогут навести в них порядок.

Наши правоведы должны анализировать международный опыт, изучить историю и строй западных стран, выявить роль народов в формировании конституций, чтобы подготовить свое общество к необходимым реформам. Это можно начать с учреждения профсоюза, обеспечивающего профессиональную дискуссию правоведов по этим вопросам. «Я верю в наше литературное и интеллектуальное богатство, в наши природные способности. Не потому, что я — тунисец, но потому, что история свидетельствует в пользу моей веры. Наша неудача — результат дурного воспитания, загасившего пламя нашего духа; мы вырастаем неповоротливыми бездельниками, не верящими даже самим себе, мы убегаем от жизненно необходимой работы и прибегаем к смертельному бездействию...» — пишет Т. ал-Хаддад¹.

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад. О положении женщины в шариате и обществе. С. 171, 173.*

Наши дети выбирают приносящие прибыль профессии врача или адвоката; они чураются политических, экономических и культурологических наук, требующих от специалистов воли к сотрудничеству и терпению. Мы доказали миру, что не знаем смысла науки как таковой, не знаем ничего, кроме личной выгоды. Наши административные кабинеты пустуют; кто займет их на благо всей страны? «Мы требуем ответственности от наших правителей — но что мы сделали для того, чтобы их взрастить?»

Наши земли пустуют, а те участки, что приносят доход, находятся в руках французских управленцев. Наша промышленность гибнет под натиском импортных продуктов. Наша экономика терпит поражение от иностранных финансистов. Наше банкротство принесло другим баснословное богатство. И, несмотря на все это, мы живем в атомизированном обществе и ищем легкие пути к личному успеху и личной же славе. Наша интеллигенция должна высоко поднять знамя нашей державы.

Дух просвещения необходимо вдохнуть в нашу семью. «Восток рассыпается от летаргического сна», — пишет Т. ал-Хаддад в послесловии. Арабскому пробуждению нужна женщина, этот «замурованный в глубинах домов клад»... «Мы слышим о том, что женщина правит Индией, вдыхает творческий дух в мыслителей Палестины, Египта, Сирии и Турции, своим подвигом женщина заражает мужчин-патриотов...

«О, тунисцы! Наш позор несмываем! Мы очарованы своим темным наследием, мы голословно относим его пережитки к числу мусульманских заповедей, безмерно вредя последним, — и, несмотря на это, надемся на призрачное возрождение!

Мы стоим на перепутье дорог, ведущих либо к жизни, либо к смерти... Возлюбив жизнь, мы должны делать все возможное, чтобы осознать свои потребности и напитать себя необходимыми жизненными соками. Но вместо этого мы держимся своего невежества, преступного эгоизма и бесправия, призывая на себя лишь гибель...» В завершение своего труда Т. ал-Хаддад выражает «почтение своего пламенеющего духа» делу возрождения тунисской женщины, тунисского общества и Востока в целом...¹

Документ эпохи обновления мира ислама, подъема национального самосознания тунисцев в условиях французского протектората, работа Т. ал-Хаддада стала уникальным памятником, столь значимым не только для колониального общества арабского Магриба, но и для всех народов Востока, вставших в начале XX столетия на путь национального и социального освобождения.

¹ *Ат-Тахир ал-Хаддад. О положении женщины в шариате и обществе. С. 175–176.*